

Герман Романов
Спасти Кремль! «Белая
Гвардия, путь твой высок!»
Серия «Спасти Колчака», книга 7

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8670749

Герман Романов. Спасти Кремль! «Белая Гвардия, путь твой высок!»: Яуза, Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76685-7

Аннотация

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака» и «Спасти Москву». Кульминация эпопеи о падении Российской Империи и возрождении Святой Руси. «Попаданец» из будущего меняет ход Гражданской войны.

Благодаря ему Белый Крым и Сибирь устояли под ударами красных. Поход Троцкого в Европу обескровил и Антанту, и большевиков. Дождавшись, пока «кремлевские мечтатели» окончательно увязнут в Мировой революции, белые переходят в наступление на всех фронтах.

Освободить Россию! Взять Москву! Спасти от вандалов Кремль! «Белая Гвардия, путь твой высок!»

Содержание

Пролог. Севастополь (24 декабря 1920 года)	4
Царицын. (29 декабря 1920 года)	11
Глава первая. А на войне не ровен час... (20 января 1921 года)	15
Трапезунд	15
Нижнеудинск	17
Трапезунд	20
Страсбург	22
Нижнеудинск	24
Трапезунд	27
Страсбург	29
Москва	31
Гаага	33
Москва	34
Гаага	36
Глава вторая. И смерть не главное из бед... (21 января 1921 года)	38
Москва	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Герман Романов Спасти Кремль! «Белая Гвардия, путь твой высок!»

*Светлой памяти брата
Владимира Романова,
погибшего при обороне Луганска
16 августа 2014 года,
и всем жертвам братоубийственной
войны на юго-востоке Украины
ПОСВЯЩАЮ*

Пролог. Севастополь (24 декабря 1920 года)

– Война с турками неизбежна, Александр Васильевич... И чем раньше мы ее начнем, тем будет лучше!

Генерал Арчegov задумчиво посмотрел на грозную машину «Адмирала Ушакова» – линкор стоял на бочке посередине Северной бухты, чуточку дымя одной трубой.

За ним, как цыплята за курицей, хотя такое сравнение и оскорбительно для Российского императорского флота, вытянулись в линию небольшие четырехтрубные крейсера, совершенно безжизненные на первый взгляд – полноценных экипажей на борту не имелось, да и взять матросов по большому счету было неоткуда.

– Мы должны окончательно втянуть Грецию в новый Балканский союз, а сделать такое возможно только путем совместной коалиционной союзнической войны против общего врага. И желательно очень короткой – нам нельзя связывать себе руки в будущем, по крайней мере нужно закончить активную фазу к маю. Правительство Кривошеина вчера приняло такое решение, теперь нам с Михаилом Александровичем предстоит согласовать его с Петром Васильевичем Вологодским!

В голосе генерал-адъютанта слышалась полная уверенность в успехе, и Колчак разделял этот, может быть и неуместный, оптимизм, хотя недавние события в Румынии показали, что такая быстрая война неизбежно приносит успех – устоять сразу против трех союзников, действовавших согласованно и без промедлений, Бухарест не смог.

Румынская армия оказалась наголову разбитой, а страна, еще недавно казавшаяся гегемоном на Черноморском побережье, безжалостно поставлена на колени. Валашское королевство полностью лишили тех земель, что были оттяпаны им от соседей, и обложили чудовищной по своим размерам контрибуцией. Выплаты должны были окончательно разорить строптивых румын, обратив все население в нищенство, а полное разоружение давало гарантию от возможной попытки реванша.

И вот теперь на очереди уже была Турция, и без того терзаемая со всех сторон победителями по Антанте – Англией, Францией и Италией. К последним, на свою голову, прикнула Греция, отчаянно желавшая чужими руками разделаться с вековым историческим врагом.

Арчegov знал по той истории, что эллинам крупно не повезло с такими «союзниками». Европейские державы, не желавшие нести потерь, в нужный момент тайно договорились с турками, и те, находясь в критическом положении, согласились на существенные территориальные уступки и концессии в пользу великих держав. Добившись своего без большой

войны, новые «вершители мира» без малейших угрызений совести оставили воинственных, но глуповатых эллинов на растерзание разъяренным османам.

Греческая армия, неразумно вторгнувшаяся в глубь Анатолии, была разбита и в полном беспорядке бежала. Турки выместили ярость не только на христианском населении Киликии, в основном армянском, повторив, пусть в меньших размерах, резню 1915 года, и главным образом на малоазиатских греках, которые жили на восточном побережье Эгейского моря несколько тысячелетий. Последние, спасаясь от поголовного уничтожения, массово бежали, и более полутора миллионов вынужденных эмигрантов поставили Грецию на грань экономической катастрофы.

Но теперь сложилась принципиально иная ситуация!

Кемалю-паше уже не поможет Советская Россия, и ему не удастся разгромить армянские войска в Закавказье, обеспечивая себе тыл в войне против греков.

Наоборот, положение кемалистов станет намного хуже. На эрзерумском направлении готова к наступлению Кавказская армия генерала Юденича, в которой, вместе с армянским ополчением, свыше семидесяти тысяч солдат и офицеров: турок уже вышибли из Карса и Ардагана, и не только вышли на имперскую границу России, существовавшую до 1914 года, но, в ряде мест, перешли ее, заняв с боем город Алашкерт.

Война шла ожесточенная, пусть и необъявленная, и с высадкой десантов на приморском направлении могла приобрести для османов катастрофический характер – они уступали русским в численности, но особенно в военно-техническом оснащении, испытывая жуткую нехватку артиллерии, пулеметов и боеприпасов.

Значительно ухудшалось положение кемалистов и на Западном фронте – на помощь греческим войскам могла выступить Болгария, недавний и противоестественный союзник Турции в мировой бойне.

Теперь все упиралось во взаимные уступки греков и болгар – между Симферополем, Афинами и Софией, почти не прерываясь, шли оживленные консультации, торги и переговоры, на глазах окончательно сколачивался новый Балканский союз.

«Братушки» были уже готовы вступить в войну, их молодой царь Борис, даром что немец, свое положение на троне упрочил – таковы обычно результаты маленьких победоносных войн. Оставалось только вернуть обратно территорию южной части Фракии с выходом на северное побережье Эгейского моря. Эта провинция была передана грекам в Версале новыми устроителями мира, желавшими на вечные времена продолжать править миром по принципу «разделяй и властвуй».

Такая политика плодила недовольных, чем и воспользовался министр иностранных дел России Милюков, накрепко привязывая болгар к «русскому курсу». Императорское правительство выразило полное согласие на присоединение западной части Турции с городом Эдирне, древним Адрианополем, в обмен на отказ Софии от притязаний на Македонию, к чему он также твердо и неуклонно склонял Афины.

Неуступчивая позиция эллинов по отношению к этому вопросу тоже начала стремительно изменяться в последние дни – положение для них стало таковым, что куда деваться!

Дело в том, что по жесткому настоянию союзников греческий король Константин, ярый германofil, отрекся от престола и вместе со старшим сыном Георгом, женой и дочерьми был насильственно выпровожен за пределы страны. Поселив своего давнего, упрямого и нежелательного оппонента в тихой швейцарской Женеве, союзники крайне энергично принялись закреплять достигнутый успех.

Молодой король Александр в своем государстве находился в двусмысленном положении чуждой народу марионетки – он был вынужден испрашивать согласия практически во всех делах у французского Верховного комиссара, что вел себя, на взгляд Арчегова, как американский посол в «банановой республике» или пахан на зоне.

Такая ситуация де-факто раздробленности страны, когда управление шло только из Салоник, где и заседала фактически оккупационная власть Антанты, со времен существования здешнего фронта в Великую войну, бесила вольнолюбивых греков. Вот только вырваться из-под такой назойливой опеки страна не могла и до поры до времени покорно выполняла все распоряжения союзников.

Однако с подписанием Бухарестского мира ситуация на Балканах изменилась радикально, и «версальские победители» внезапно осознали, что не только на них «куры записаны»...

Теперь в Афинах твердо усвоили – только помощь России позволит нанести поражение Турции, тем более что отказ от Македонии носил исключительно формальный характер – область с 1912 года находилась в составе Сербии, а теперь в Соединенном королевстве СХС. Этот камень преткновения, долгое время отравлявший отношения между соседями – болгарам, сербам и грекам, – совместными усилиями, наконец, убрали, и теперь можно было надеяться на создание крепкого военно-политического блока православных государств Балкан под эгидой России...

– Думаю, Петр Васильевич поймет наши доводы! И средства пока имеются, пусть и скудные!

Колчак стоял за войну с Турцией, тем более что таковая и велась с осени, пусть пока и необъявленная. Вот только чрезвычайно короткие сроки, отведенные на Трапезундскую операцию, – единственное, что серьезно беспокоило русского флотоводца.

– Это затянется, и бог знает на сколько времени, Константин Иванович! – Адмирал пожал плечами, с жадностью вдыхая соленый, будоражащий душу воздух, без которого уже не мыслил своей дальнейшей жизни, вернувшись в прежнюю стихию.

Он до сих пор с содроганием вспоминал время от времени крайне нервные дни пребывания в Омске, когда пришлось быть Верховным правителем России, городе, удаленном от моря на многие тысячи миль.

– Отнюдь, Александр Васильевич! Послезавтра мы с Михаилом Александровичем выедем в Царицын, оттуда будет долгий перелет до Уральска и дальше до Оренбурга. Числа двадцатого, не позже, погода, надеюсь, позволит, Черноморский флот должен высадить десант в Трапезунде. Месяца тебе хватит на подготовку?! Генерал Юденич подготовится к броску на Эрзерум, ему там проще – армия втянута в бои, воюет давно и довольно успешно. К этому времени мы уже будем в Иркутске и решим все вопросы с Сибирским правительством.

– Дай-то бог... – чуть слышно пробормотал Александр Васильевич, а генерал Арчegov принялся рассматривать стоящие на якорях английские корабли, уже несущие над кормой Андреевские флаги.

– До сих пор наши офицеры гадают, Константин Иванович, – или у англичан, как всегда, проявилось своеобразное чувство юмора, или это самое что ни на есть изощренное издевательство!

– С чего бы?

Арчegov пожал плечами, внимательно рассматривая переданные британцами корабли, что являлись как бы долей России в разделе кайзеровского флота.

Дело в том, что германские легкие крейсера и эсминцы, не пущенные на разделку, продолжали службу, но уже под французскими и итальянскими флагами – Париж и Рим специально настояли на таком разрешении, ибо легкие силы их флотов, крайне малочисленные, состояли в большинстве своем из устаревших кораблей.

Америка и Япония, и тем более Британия, в германских и австрийских трофеях не нуждались, англичане вообще вывели в резерв свыше 900 своих кораблей и судов – экономика богатейшей страны мира просто не выдерживала столь чудовищного бремени в виде Гранд

Флита. Так что островитяне живо подобрали нужное количество «эквивалента», предназначенного для русских «союзников», в помощи которых снова возникла крайняя нужда, – все равно на слом пускать!

– Два крейсера, что стоят за нашим «Ушаковым», английские «города» «Биркенхед» и «Честер». Ранее они предназначались Греции, как и те три эсминца, что пришвартованы в Южной бухте, – «Медея», «Мелампус» и «Мельпомена», – на самом деле греческие «острова» «Крити», «Хиос» и «Самос». Был и четвертый, «Лесбос», его британцы в «Медузу» переименовали, но погиб при столкновении.

– Однако, – пробормотал генерал, состроив на лице гримасу, – с юмором у них все в порядке...

– Еще как, Константин Иванович! – Колчак криво улыбнулся. – Переданные союзникам германские линейные корабли пущены на слом, но нам, по сути, разрешили ввести в строй три четверти линкора, кстати, тоже греческого, как ни крути.

– Три четверти?!

Восклицание вырвалось у Арчегова непроизвольно, и генерал посмотрел на три корабля, что стояли вплотную друг к другу – низкобортные, больше похожие на огромные несуразные лохани или утюги, с одинокой толстой трубой и возвышающейся массивной орудийной башней с двумя внушительными стволами.

– Это мониторы «Эберкромби», «Хевлок» и «Робертс», воевали в Эгейском море, четвертый систершип «Рэглен» был потоплен «Гебеном» три года тому назад.

– Ага! – Арчегов кивнул в ответ, быстро сложил башни – как раз на полноценный линкор и получилось.

– В Германии греки заказали линейный крейсер «Саламис», но началась война, и корабль так и не достроили. Башни и орудия к нему изготовили в Северо-американских штатах, вот и сбыли их англичанам, которые соорудили под них эти мониторы.

– С шуткой по поводу Греции мне ясно, в «наследство» к нам корабли попали явно с намеком на некие «толстые обстоятельства». Да, юмор у них своеобразный, чисто английский... Спрошу одно – они пригодны для войны? Лучше или хуже того, что мы сейчас имеем?

– Корабли относительно новые, им нет и пяти лет. Крейсера и эсминцы почти не уступают нашим по вооружению, по скорости значительно превосходят, учитывая изношенность «Корнилова» и черноморских «новинов» – им капитальный ремонт давно нужен...

– Так в чем же дело?! Скажу так, пусть и грубо, учитывая службу в кавалерии, – дареному коню под хвост не заглядывают! – Арчегов осекся, посмотрел на хмурое лицо адмирала и понял, что шутка не достигла цели. Осторожно спросил, памятуя слова друга: – Что-то нехорошее насчет утонченной издевки?

– На мониторах стоят 14-дюймовые пушки, а в Англии таких на вооружении нет. Данный калибр имелся лишь на реквизированном линкоре «Канада», но он уже возвращен Чили.

– Понятно! – Арчегов помрачнел. – Свое производство снарядов мы не осилим, придется закупать?

– Только в САСШ, больше нигде. А связываться с японской шимозой не имею ни малейшего желания, особенно после взрывов погребов на «Микасе» и «Цукубе».

– А с крейсерами что не так?

– Да все, – взорвался адмирал, впервые потеряв хладнокровие. – Скорость в 25 узлов хороша, спору нет, но на новых английских «Данаях» все 29 узлов. В бортовых залпах равенство – по шесть пушек, но у британцев стоят в шесть дюймов, а на наших в 140 мм. И что худо – та же петрушка со снарядами – подобные в наличии только у японцев, да еще на старых испанских крейсерах имелись.

– Ни удрать, ни подратся! – теперь нахмурился и Арчegov. – Закупать дорого, самим производить еще дороже. Может быть, наши пушки поставить – перевооружить недолго...

– Нечего ставить, стволы давно расстреляны. Сам голову ломаю, придется закупать у тех же англичан! – Колчак прошелся по пустынному юту – над головой адмирала возвышались чудовищные 15-дюймовые пушки «самодержицы всероссийской», а далеко впереди сверкал штык караульного у кормового флагштока.

– Теперь мне эта головная боль достанется... – Арчegov задумчиво почесал пальцем переносицу и решил выяснить еще один вопрос, не откладывая дело в долгий ящик: – На Мурмане как дела?

– Как сажа! – Адмирал засопел. – Тоже «город» пригнали, из самых первых. На «греках» пояс в три дюйма, а там бронирована только палуба. Пушки, правда, в шесть дюймов, но их только две, да еще десяток бесполезных четырехдюймовых, почти такие же на наших эсминцах сейчас стоят. Специально отобрали, с изъясном.

– Но англичане в Мурманск два корабля привели...

– Второй не крейсер, новенький броненосец береговой обороны «Горгон», строился для Норвегии как «Нидарос». Введен в строй всего два года тому назад, систершип «Глеттон» сразу сгорел, едва только успев флаг поднять. С радостью нам сбыли...

– А что же Осло его не потребовало вернуть?

– Так последний платеж провести нужно, а кто же сейчас будет деньги тратить, бесполезные корабли покупая?

– Вооружение тоже с подвохом?

– Не без этого – главный калибр в 234 мм, у нас таких на кораблях нет, только в десять дюймов.

– Сукины дети!

Искренне, в сердцах выругался по адресу «жертвователей» Арчegov, но в то же время мысленно восхищаясь изворотливостью островитян и их умением везде и всегда добиваться для себя выгоды. Вроде бы щедрость проявили, компенсировав России за свой счет долю в разделе германских трофеев, передав новые корабли, но совершенно бесполезные для англичан и предназначенные на слом.

– Хотя...

Генерал-адъютант над чем-то серьезно задумался, на широком лбу собрались морщины – Колчаку показалось, что Арчegov постарел разом лет на десять и уже намного старше его самого. Однако наваждение длилось недолго, до первого узнаваемого смешка.

– Это после Второй мировой войны наши «заботливые друзья» начнут раздавать свои корабли любым возможным союзникам, накрепко усвоив истину – если хочешь разорить небольшую страну, то подари ей крейсер. Сейчас сбыть залежалый товар не могут, вряд ли кому нужно покупать «скауты» и «тауны» и тем паче первые дредноуты. А просто дарить «тройанских коней» пока еще не принято...

Арчegov прикусил губу, глаза сверкнули. Генерал несколько раз нервно хохотнул, и Александр Васильевич напрягся – он уже хорошо знал манеры своего друга.

– Это не столько шутка и издевательство, сколько предупреждение. И они тем самым показывают, что воевать с Турцией дальше не станут. Думаю, и французы с итальянцами уже отказались от этой затеи. Первым стало не до нее – красные подошли к Рейну, а вторые ведут себя как шакалы и сходиться в рукопашную один на один никогда не станут. Вот и намекают островитяне, что будут не против, если мы поддержим греков силою.

– Даже так?! Но ведь французы чуть ли не каждый день взывают о помощи, для них наше участие в войне с османами крайне невыгодно.

– Так то французы, пусть продолжают дальше заблуждаться. А вот британцы, Александр Васильевич, давно поняли, что у нас найдется добрый десяток причин, чтобы и дальше

как можно дольше находиться с большевиками в состоянии вооруженного нейтралитета. И отговорки у нас всегда найдутся – сейчас зима, затем грянут морозы на Урале и выпадет непроходимый снежный покров, потом наступит весна с ее непролазной грязью и запоздавшими заморозками. Если потребуется, то сошлемся на подорванную экономику и необходимость посевной...

– Затем нам помешают проливные дожди, не дай бог, конечно, сенокос и уборочная... – улыбнулся краешками губ Колчак. – Потом наступит осень с ее проливными дождями и распутица, ранние морозы и прочие напасти с казнями египетскими!

– До этого, надеюсь, не дойдет, все решится намного раньше. Мы ударим тогда, когда большевики подойдут к Парижу, никак не позже. Франция сейчас для них как морковка... перед мордой осла! Красные должны бросить на запад все свои резервы, и это они обязательно сделают, прах подери, ведь слишком высоки ставки. Пусть пройдут как можно дальше, мы им поможем в реализации этого авантюрного похода. Не понимают товарищи, что лучше синица в руках, чем журавль в небе... А тем паче дятла в собственной заднице! Французы, немцы и большевики должны взаимно истощить друг друга, а заодно погромить другие европейские страны! Только в этом случае мы спасем Россию и обеспечим ей достойное будущее!

– Это понятно, но при чем здесь британцы и турки?

– Англичане преследуют те же самые цели, что и мы. Заблаговременно ослабить конкурента и потенциального врага в их правилах. Раз мы оттягиваем войну с большевиками, то в Лондоне позаботятся о том, чтобы ненавистные для них белые русские понесли потери и не смогли бы сокрушить красных в будущем. И не стоит удивляться, если британцы не вооружат тайком Кемаля-пашу. Ты не забывай, что, разгромив Румынию и наплевав, таким образом, на условия Версальского мира, мы для Антанты сейчас стали самым натуральным врагом, с которым, пока есть необходимость в его помощи и нет сил для обуздания, считаются. Но это ненадолго, и нам нужно брать по максимуму сейчас, через полгода будет поздно!

– Но почему воюем за Турецкую Армению и Понт, почему не захватим Проливы? Если мы запрем Босфор, то избавимся от угрозы раз и навсегда!!! И в конце концов, нам же их обещали отдать!

Колчак нахмурился – слишком долго черноморские проливы служили главной целью как русской дипломатии, так и Черноморского флота. И отказаться от этой идеи фикс не имелось ни сил, ни желания.

– России много чего обещали, – зло засмеялся Арчegov, – а мы, как дети малые, верим. Соваться в проливы сейчас самоубийственно, там британские линкоры. Но если нельзя действовать прямо, то можно опосредованно – были они турецкими, станут греческими! Главное, мы-то ни при чем, англичан без нужды злить не надо. И вообще, я не понимаю, зачем нам нужны эти самые Дарданеллы с Константинополем?! Греков превратить из друзей, пусть плохих, в смертельных врагов! Недальновидную политику вел имперский Петербург, очень недальновидную!

– А если потом нас греки, как ты любишь выражаться, кинут?! Ведь такое случилось сплошь и рядом с союзниками! Надавит Антанта, британцы свои линкоры к берегам подведут...

– Это они могут, если их хорошо попросят. Но мы не должны ворон ловить и клювом щелкать. Надо сделать так, чтобы у них мысли о таком «провороте» не появилось, ибо от предательства навредят себе намного больше, чем могут выиграть. Большие территории потерять могут и ничего взамен не приобрести!

– Вот для чего нам Трапезунд потребовался? – удивленно протянул Колчак. – Вроде той морковки?

– Скорее живец, и не только! – усмехнулся генерал, но глаза недобро сверкнули. – Тайный военный союз и брачные узы между монархиями многому служат. Пусть проливы останутся за греками, но зато нашей с потрохами станет будущая... Византия!

– И когда, Константин Иванович?

Ошеломленному адмиралу потребовалась целая минута, чтобы оценить дерзость замысла и задать осторожный вопрос, что прямо жег язык. Александр Васильевич сразу понял, что это не шутка, абсолютно неуместная, а точно выверенный расчет.

– Обещанного три года ждут! И мы подождем, время есть... – загадочно усмехнулся Арчegov, и флотоводец не выдержал, поднял на друга чуть ли не умоляющие глаза.

– Я не спрашиваю тебя о политике и тех действиях, что предстоит предпринять его величеству. Знаю, что каждый должен знать столько, сколько требуется для отправления должности. С турками и большевиками для меня все ясно – будем действовать должным образом. Ты скажи мне одно – с кем через три года война, мне же флот готовить нужно?!

– Так они еще сами не знают, что с нами воевать будут...

Царицын. (29 декабря 1920 года)

«Вими» нутужно ревел мощными моторами «Роллс-Ройс», медленно поднимаясь в пронзительно голубое небо. В просторной пассажирской кабине, где с немыслимым по этим временам комфортом расположились в удобных креслах два человека, гул работающих двигателей отражался от фанерных стенок, заставляя их вибрировать мелкой дрожью.

– Не рассыпался бы он в полете, болезный...

Генерал Арчегов усмехнулся, сжимая пальцами обитые мягкой кожей подлокотники. Но вольготно сидеть, откинувшись на спинку, было неудобно – мешал парашютный ранец. В меховом комбинезоне, стянутом лямками подвесной системы, утренний мороз совершенно не чувствовался, лишь легонько прихватывало открытые щеки.

Сидевший напротив генерала Михаил Александрович был полностью поглощен наблюдением – в окошке внизу проплывали заснеженные поля, да дымили трубами похожие на маленькие спичечные коробки дома. Проплыла белая лента скованной льдом Волги, и потянулась бескрайняя степь с серыми проплешинами.

Странно, но высоты он совершенно не боялся, как и того, что двигатели аэроплана могут «обрезать» в любой момент. Полученных от друга уроков, двух прыжков с парашютной вышки, установленной в Качинской школе летчиков, и тщательной инструкции хватило, чтобы усвоить – выжить в небе не просто можно!

И падать камнем целую версту не придется, повторяя безумный полет гордеца Икара. Чего проще – генерал откроет люк в полу, прицепит карабин вытяжного фала его парашюта и толчком в спину отправит в полет.

Купол откроется – в этом Михаил Александрович не сомневался, ибо укладывал его со стропами много раз самостоятельно, при помощи Арчегова, разумеется. Да и безлюдной степь только казалась на первый взгляд – внизу были кочевья казахов да многочисленные разъезды уральских казаков, заблаговременно вышедших как раз для такого случая.

– В мое время недостатки умения пилотов компенсировались техническим совершенством. Здесь наоборот – примитивность конструкции восполняет мастерство пилотов!

Громкий голос, почти крик генерала был услышан сквозь гул, и Михаил Александрович кивнул в ответ. Летчики на императорском «Вими» не просто опытные, а самые умелые – командир еще в 1919 году прошел по этому маршруту, совершив долгий перелет с письмом генерала Деникина к адмиралу Колчаку.

Последние три месяца полдюжины новейших двухмоторных аэропланов, любезно проданных «заклятыми друзьями» англичанами, совершали фантастические и невероятные прежде полеты от самого Царицына до Оренбурга и даже намного дальше, до Петропавловска и Омска. Впрочем, они были таковыми только для русских пилотов – тот же «Вими» год назад перелетел из Нового Света в Англию через Атлантику, совершив первый трансконтинентальный перелет.

Но и так тысяча верст расстояния при семи часах полета казались сейчас Михаилу Александровичу невероятным подвигом, который он и собирался сегодня совершить.

– Скукота, Мики, полная! В окно тебе через полчаса надоест смотреть – даже с картой невозможно работать, привязок к местности никаких. Так что пообедаем через три-четыре часа, пару раз попьем кофе из термоса да будем спать. Заняться чем-нибудь полезным невозможно, а разговаривать трудно – голос от крика сорвем!

Проорав последние слова, генерал немного поерзал в кресле, устроился удобнее и вскоре, как показалось Михаилу Александровичу, заснул самым настоящим крепким сном.

– Вот это нервы...

Император в который раз искренне поразился поразительному хладнокровию друга, но тут вспомнил, из какого тот прибыл времени. Летать Арчегову приходилось много, как и прыгать с парашютом, это для него самого все в диковинку: и удивляет, и страшит.

Усмехнувшись, Михаил Александрович снова уставился взглядом в квадратное прозрачное окошко – внизу проплывало запорошенное снегом пространство...

«Полюбишь авиацию, как товарищ Сталин, и будет из тебя толк в этом деле! За ней будущее, и ты это уже понял!»

Арчegov демонстрировал здоровый сон, хитро подсматривая через прищуренные веки за своим венценосным другом. Спать не хотелось ни в какую – аэроплан начала века – это не авиалайнер его конца, звукоизоляция отсутствует по определению, не считать же таковой фанеру с полотном. Но мыслить шум моторов не мешал, и этого было достаточно.

«Мы пока у англичан «этажерки» покупаем, но и свои делать начнем. Сикорский в Таганроге новые «Ильи Муромцы» на крыло скоро поставит, своя гражданская авиация будет. Это мы здорово придумали конкурс на «тысячник» объявить – полет на тысячу километров с тысячью килограммов полезного груза. В хватке ему не откажешь – за три месяца обещал сделать, да еще с перевыполнением задачи, благо вместодохлых «Санбимов» вдвое сильные моторы «Либерти» в Штатах покупаем.

Но деваться нам некуда – собственное моторостроение практически отсутствует. Ничего, года через три-четыре лицензионные двигатели выпускать будем, а там и свои моторы появятся. Истребители сейчас нам не нужны, надо транспортники да пассажирские лайнеры, хм, если можно так их именовать, строить. Кадры готовить, аэропорты – да чего только не нужно в нашем положении. Та же связь, радиостанции, училища – инфраструктура жизненно необходима, без нее настоящей авиации и ВВС не создашь. Ничего, со временем все будет!»

Мысли хотя и текли спокойно, но ежедневный ворох различных забот стал привычным для него бременем. Страна, получив год живительной передышки, уже жила мирным временем, и ввергать ее в новую братоубийственную войну не желал никто.

Все свои надежды Арчegov связывал с коротким блицкригом, «молниеносной войной», если такой термин только применим к тысячеверстным русским расстояниям, надеясь не столько разбить большевиков, а просто вытеснить их за пределы России.

«Как бы сделать так, чтобы они сами ушли? Думай, голова, на то ты и дана – пусть французы с немцами до упоения режутся, а наши коммунисты им мировую революцию устраивают – но чтобы у нас от Днепра до Амура полное спокойствие в стране наступило. За десять лет мы все последствия гражданской войны потихоньку ликвидируем, порушенное восстановим, новое созидать будем. Хватит сомнительных социальных экспериментов, пора делом заниматься!»

Может быть, обычному мирному гражданину и покажется странным, но больше всех не любят войну именно военные. И потому, что в отличие от политиков и обывателей прекрасно понимают, что именно им придется умирать в первую очередь. Для простого мужика, крестьянина с одной лошадкой и тремя десятинами посева, война вообще является жутким апокалипсисом, от которого страдает весь привычный для него мир. Именно это ощущение и стало убийственным для империи, когда война не просто затянулась на долгие годы, но и продолжала дальше высасывать из крестьянского мира все новые и новые жертвы.

«Нельзя воевать с большевиками, никак нельзя. Если мобилизацию начать проводить, то весь кредит доверия мгновенно потеряем. Воевать только одной кадровой армией невозможно! Все правильно, все верно – другого пути, чем этот, у нас просто нет! Тогда больше не стоит терзать себя, ведь через три недели я буду с Ниной и детьми... Какое счастье, что у меня здесь есть семья и дом, а все остальное лишь суета! Как же я по ним соскучился, и как мне все надоело!»

Арчegov бросил короткий взгляд на Михаила Александровича – тому надоело таращиться в окошко, и теперь император курил папиросы, выпуская клубы дыма, да о чем-то напряженно думал – лицо приняло сосредоточенное и суровое выражение.

«Ничего не поделаешь, Мики, – ныне ты не самодержец, так что придется с Вологодским договариваться и Народное Собрание убеждать. Все понимаю, но так нужно. И жениться тебе придется, Милюков тебе прекрасную партию подобрал. Пусть невеста и старая дева по здешним меркам, но и жених из тебя не первой свежести. Твой брак дело политическое, так что собственные желания и антипатии принесешь в жертву, ты же умный, все сам понимаешь. Куда деваться!»

Невеста, принцесса Греческая и Датская Ольга Константиновна, оказалась троюродной сестрой Михаила Александровича как по линии матери, в девичестве Дагмар, принцессы Датской, так и по линии прадеда, императора Николая Павловича.

Препятствий со стороны церкви не ожидалось – патриарх Константинопольский прекрасно понимал все выгоды такого союза между 42-летним императором, пусть и некоронованным, и 24-летней принцессой, что томила в изгнании в далекой Женеве.

Да и выбора у девушки не имелось по большому счету – мировая война изрядно прорешила царствующие дома, и многие монархи и многочисленные члены их семей превратились в одночасье чуть ли не в простых обывателей, оставив при себе только громкие, но уже ничего не значащие титулы. Так что рассчитывать на предложение наследника какого-нибудь престола не приходилось, кому нужна бесприданница!

Единственный изъявивший желание претендент на руку и сердце Ольги румынский королевич Кароль, с очень дурной репутацией молодой человек, откровенно говоря, шалопай, потаскун, изрядная сволочь и завзятый бабник. На брак с ним греческий экс-король Константин все же дал свое согласие, желая хоть как-то пристроить дочь, да и новоявленный жених ревностно пристал к Ольге, словно березовый лист к пикантной части тела в одном жарком помещении.

Показательная порка Румынии, устроенная ее соседями, сорвала поездку греческой принцессы в Бухарест, да и акции самого Кароля упали, как говорится, ниже плинтуса – тут и репутация сказала, и экономическое состояние страны, где с финансами и так было раньше туго, а сейчас стало совсем беспросветно.

Потому визит министра иностранных дел Российской империи Милюкова в Женеву напрямую из Парижа греческая королевская семья восприняла как чудо, и долго не могли поверить Павлу Николаевичу. Слишком сказочное пришло спасение!

«Наша маленькая победоносная война помогла болгарскому царю Борису устроить своим левым оппонентам показательную порку. Теперь его акции высоки как никогда и станут еще выше, когда появятся новые приобретения... Или вернется старое – тут как посмотреть! И греческий король Александр уже держит нос по ветру – ведь в случае успеха он сможет своего «Вазелина» по стенке размазать и чуть ли не самодержцем стать. И не знает, что крылышки его могут и подрезать! Нет, ставки сделаны правильно – стоит им заглотить живца, и уже никуда от нас не денутся, в одной упряжке ходить будут и не дергаться. Мы и есть их гарантия «светлого будущего», и никто другой его не обеспечит!»

Арчegov мысленно усмехнулся, припомнив, как доказывал Михаилу и Кривошеину реальность своего плана – те поначалу пришли в ужас, ведь задуманное генералом дело больше походило на погоню за тремя зайцами. Но, рассчитав возможности и конечный результат, согласились, хотя и не скрывали опасения от возможной неудачи, которая могла обернуться для России, и так измороженной шестилетним периодом непрерывных войн, катастрофическими последствиями.

«Еще бы – затеять войну и в случае успешного итога не получить ничего, пусть и формально, а не фактически. Создание Балканского союза имеет жизненное значение для буду-

щего империи, как и образование нового греческого государства со столицей в Трапезунде и Великой Армении. Но как передать их Греции, не выпуская из рук бразды правления, держа их под протекторатом?! Да еще с прицелом на будущее присоединение формально независимой страны?!

Да и вопрос с Грузией будет решен без войны, я на это сильно надеюсь – потомки царицы Тамары станут намного стоворчивее, когда будут окружены со всех сторон, как и румыны, – и «форточкой» в мир для них станет море. Но ненадолго – если удастся запечатать проливы, то мы их к себе живо подтянем. И главное – если большевики примут эти наши войнушки всерьез, то цель будет достигнута. Если Фрунзе перебросит резервы, то... Нет, об этом не стоит, нельзя сместить ЕГО своими планами!»

Арчegov оборвал размышления, испугавшись за собственный замысел. Он устал, очень устал и хотел только одного – вернуться домой и почувствовать себя мужем и отцом, перестать походить на тех хладнокровных и циничных политиков, что могут шагать по трупам, ведя людей в некое счастливое будущее, которое таковым и не является. Уже погружаясь в сон, он вспомнил и повторил изречение одного из римских императоров:

«Делай что должно, и будь что будет!»

Глава первая. А на войне не ровен час... (20 января 1921 года)

Трапезунд

– Удачно пришли, как по заказу...

Капитан второго ранга Петр Игнатьевич Тирбах, уцепившись правой рукою за леера ограждения рубки, крепко стоял на покачивающейся под ногами палубе «Тюленя».

Несмотря на середину зимы, Черное море было относительно спокойным, но пологая волна являлась достаточно сильной. Подводная лодка почти беззвучно подрабатывала электромоторами, дабы ее железную тушу не вынесло на каменистый берег, до которого оставалось меньше двух кабельтовых, каких-то три сотни метров.

«Продержится еще пару часов, не меньше, пока батарею не разрядит, а то запущенный дизель уже бы всю округу на уши поднял. А этого времени нам вполне хватит, турки любят поспать, да и не ждут такой атаки с моря!» – Мысли проносились в голове быстро, но так же спешно трудились на железной палубе матросы команды, спускающие на воду собранные в ночной темноте лодки и плотики.

В своем чреве до турецкого Трапезунда «Утка», а также пришедшие вместе с ней две подлодки типа «АГ» доставили больше полусотни морских диверсантов Тирбаха, которые были должны захватить стоявшие в гавани турецкие корабли. Кстати, единственные, что остались у мятежного генерала Кемаля-паши, продолжавшего вести отчаянную войну за независимость с наседающими со всех сторон врагами.

Но теперь дела векового противника России пошли совсем худо, ибо сейчас русские решили помочь военной силой своим единоверцам – грекам и армянам в их справедливой борьбе...

– Погода благоприятствует, Петр Игнатьевич, луна скрылась, высаживайтесь смело. Вряд ли османы нас видят!

Рядом с Тирбахом находился помощник командира «Утки» капитан-лейтенант Кюхельбекер, остзейский немец, ставший русским морским офицером по примеру своих предков, что уже полтора века ходили по морям под Андреевским флагом. И служили честно – летом 1919 года отважный моряк вывел свою подлодку из Севастополя и дошел до Новороссийска, имея на борту меньше половины штатного экипажа, причем в большинстве своем состоящего из офицеров армии, казаков, вчерашних гимназистов и прочих штатских. Ушли из-под самого носа англичан и французов, которые с рьяным ожесточением принялись уничтожать русские корабли, не желая передавать их ни белым, ни подступавшим к городу красным.

Линкор и новые турбинные эсминцы союзники, что оказались хуже злейших врагов, увели в Константинополь, не скрывая желания их присвоить, на старых броненосцах были взорваны крышки паровых котлов, а дюжину русских подводных лодок вывели на внешний рейд и там затопили, открыв кингстоны.

Из всего Черноморского флота в руках белых остались лишь жалкие остатки в виде старого крейсера «Генерал Корнилов», именовавшегося на стапеле «Очаковым» и на котором в давние времена поднял красный флаг мятежный лейтенант Петр Шмидт, нескольких угольных эсминцев и четырех подлодок. Имелась еще пара ветхих канонерских лодок с таким же древним минным заградителем, место которым на брандвахте, и то в лучшем случае, а не в открытом море...

– Рисковый вы человек, Петр Игнатьевич, если что не так пойдет, то дайте красную ракету! Я не выпущу турок из гавани, да и «агэшки» нам помогут. А там и «генералы» придут, ровно час остался! – Кюхельбекер демонстративно посмотрел на тускло освещенный фосфором циферблат швейцарских часов. – Думаю, сами управимся, времени с избытком!

Тирбах задорно потрянул головою и тут же ухватил крепкими пальцами козырек, поправив фуражку, искоса, но с уважением посмотрел на застывшие у 75-мм пушек расчеты – временно исполняющий обязанности командира «Утки» отнюдь не бахвалился, экипаж его подводной лодки действительно рвался вступить в бой с двумя турецкими канонерками.

Вот только ничего хорошего в таком столкновении для нее не было, слишком неравны силы!

С «Американских Голландов» в такой стычке, пусть даже ночной, вообще мало пользы – на подлодках стоит только одно орудие, причем в жалкие 47 мм. Слабое и маломощное, его и с обычной полевой трехдюймовкой не сравнишь, не говоря о тех английских морских пушках, что стояли на турецких кораблях.

Правда, можно было пустить в ход торпеды с самой убойной, чуть ли не пистолетной дистанции – темнота такой атаке только благоприятствовала, но именно этого русские моряки не желали делать категорически, весь расчет строился на иной вариант развития событий...

Нижнеудинск

– Большевики очень сильны, Мики! Я раньше даже не представлял, насколько чудовищна их мощь...

Арчegov отхлебнул горячего рубинового чая, едва прикоснувшись губами к стеклу. Константин Иванович крепко держал за вычурную ручку массивный серебряный подстаканник, прилагая определенные усилия, чтобы не облиться кипятком. А такое несчастье могло произойти в любую секунду, так как вагон ощутимо потряхивало.

Разболтанная за время гражданской войны железная дорога словно покрылась небольшими ухабами прогнивших шпал. Хотя труд путейцев совершил почти невозможное, да что там – совсем невероятное дело, – еще год назад железнодорожные пути по всей Сибири находились в совершенной разрухе, и маршевая скорость паровоза в десять-пятнадцать верст в час казалась запредельной.

Но опять же, все относительно. Если сравнить с положением в РСФСР, то нынешнюю ситуацию в Сибири можно назвать почти идеальным порядком, а министерство путей сообщения отлаженным, как надежные швейцарские часы, механизмом, базирующимся на знаменитом немецком «орднунге».

Впрочем, данное ведомство оставалось одним-единственным наследием российских самодержцев, что ухитрилось пережить саму рухнувшую империю, причем и сейчас пребывало в относительно работоспособном состоянии, когда все вокруг находилось в крайне печальном виде.

– Как мы их...

Константин Иванович не договорил, чуть ли не прикусив язык – вагон ощутимо тряхнуло. Генерал усмехнулся и посмотрел в окно, мимо которого медленно проплывал чистенький перрон станции, за которой виднелся дымящий сотнями печных труб уездный сибирский городок, освещенный красными бликами выползающего на горизонт солнца.

Это был тот самый Нижнеудинск, где чуть больше года тому назад стоял поезд Верховного правителя адмирала Колчака и «золотые эшелоны», которые тогда плотно оцепили чешские солдаты. Больно жаждали мимолетные «союзники» несчастной России запустить блудливые ручонки в таящие неслыханные богатства утробы вагонов, обычных теплушек, набитых тяжеленными ящиками с вожделенным «презренным» металлом, вовремя вывезенным из Омска.

«Не спростось дельце у наших «братушек» новоявленных, так что «Легия-банк» они в Праге теперь вряд ли откроют! Хватит с них того, что и так здесь нахапали!»

Арчegov пожал широкими плечами, вспомнив горячие декабрьские дни уже далекого 1919 года, и сморщился от боли – задетая пулей ключица ныла до сих пор, и неудачное движение вызвало неприятный спазм. Константин Иванович погладил плечо ладонью и еще раз посмотрел на станцию. Нахмутив брови, генерал задумался на секунду, что-то подсчитывая, и улыбнулся самыми краешками губ.

– Что с тобою, друг мой?

– Не узнать... Ровно год тому назад, день в день, почти в тот же час, я был здесь, на этой самой станции – от Иркутска на Красноярск пошли, армию Каппеля спасать...

– И меня вместе с ней! – усмехнулся Михаил Александрович, но генерал пропустил слова мимо ушей и лишь внимательно смотрел на станцию, мысленно представив те тягучие дни да забитые теплушками воинских эшелонов пути, рядом с которыми высились мрачные бронированные коробки, ошестинившиеся орудийными стволами башен.

Сейчас не было ни бронепоездов, ни снующих кругом солдат, ни копоты с мусором на белом снегу, что тогда высились горками. Снег аккуратно перекидали в большие кучи,

здание за лето тщательно отремонтировали, подкрасили, вставив в окна блестящие на солнце стекла. А из военных маячил одетый в новенькую черную шинель станционный смотритель, державший в руках жезл с круглым навершием.

Чуть в стороне, куда уж тут денешься – верная примета мирного времени, – монументами высились несколько подтянутых жандармов, словно вернулось то прошлое, которое Россия потеряла в смутное лихолетье, затянувшееся на четыре года.

– Да, Константин Иванович, не думал, что после всех завоеваний революции, – Михаил Александрович усмехнулся при последних двух словах, которые выговорил с непередаваемым сарказмом, – я снова увижу самых настоящих жандармов на улицах! Словно и не было этой кровавой вакханалии минувших лет, прошла она, как кошмарный сон, и наступило прежнее спокойствие и порядок!

– Ага! Как там у поэта написано – и вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ!

Арчегов удивился созвучию мыслей. Наверное, чересчур тесно общались они, чтобы не перенять друг от друга многое. Тут народная мудрость права: с кем поведешься, от того и наберешься.

– Слишком долго вы, я имею в виду имперские власти, верили в незыблемость устоев самодержавия, в прочность ее двух основных столпов – солдата с винтовкой в руках и вот, жандарма. А ведь служивые – всего лишь мужики, обряженные в шинели, и стоило царю окончательно потерять их доверие, как монархия на эти самые штыки и была поддета. Жандармы... Хм... Все знающие, все умеющие, недремлющее око... Много ли к ним прислушивались? А каково отношение было? Господа офицеры даже рук не протягивали – брезговали-с!

– Но сейчас-то, Костя, ситуация изменилась...

– Конечно! После того как страну напрочь сожгли, стали вызывать о пожарных! Хорошо погуляли!!! Весело, с огоньком... Вечно русских из края в край бросает!

– Это точно... – нехотя согласился Михаил Александрович, моментально помрачнев лицом.

– С души тошнит! – слишком грубо отрезал Арчегов. Чай был отставлен им в сторону, и генерал забрался крепкими пальцами в серебряный портсигар, выудив оттуда папиросу.

– Ну и железная выдержка у тебя, Константин Иванович, я все думал, когда же задымишь?! Ты совсем как немец стал – куришь после завтрака, обеда и ужина.

– Ты забыл еще про полдник и вечерний кофе. Ровно полдесятка. Как видишь – слово дал и его держу!

– Так бросал бы ты это дело! Сам же мне говоришь, что курение вредно для здоровья.

– Если бы в рейды ходил... То да, дыхалка очень нужна, не курил бы, понятное дело. А так спокойная генеральская должность, весомый харч, что ж не подымить-то?

Арчегов усмехнулся, но его глаза, полыхнувшие болью, сощурились, под кожей на щеках заходили тугие желваки. Да и голос стал уже не шутливый, а тоскливый:

– Не могу бросить, Мики. Пятнадцать лет один и тот же запах всю душу выворачивает... Горелое мясо, жареная человечина! У меня в Афганистане парни в БТРе сгорели, от пламени тела скукожились, в головешки превратились. Как вспомню ту копоть, так всю душу наружу выворачивает, только табак и спасает!

Генерал в три затяжки добил папиросу и решительно смял окуроч в пепельнице. После короткой паузы снова заговорил, но уже привычным для себя сухим и резким голосом, насквозь прежним, в котором полностью исчез человек и остался военный:

– Так вот, Мики, я тебе сказал, что большевики чудовищно сильны. Победить белые не могли ни в каком случае! Один шанс из тысячи! Нам невероятно повезло, что красные завязли в Европе, погнались за миражом мировой революции... Как тот осел за морковкой!

– Какой мираж, Константин Иванович?! Еще пара недель, и эта новая Батыева орда Францию захлестнет! Им там с Рейна до Парижа и Брюсселя идти всего ничего!

– Во-во, а я что тебе говорю?! Чудовищно сильны большевики... Особенно если в расчет тех кукловодов взять, что за ними стоят! Все правильно сделали, к своей вящей выгоде, режиссеры гребаные – и нашим, и вашим! И не возьмешь их за глотку, самим опасаться нужно, чтоб пальцы на нашей шее крепко не сжали!

Арчegov нахмурился, сведя густые брови к переносице, пальцы простучали по столу затапливаемую барабанную дробь. Поезд дернулся, стал замедлять ход, но генерал не обратил на это внимания, продолжал говорить тем же голосом, словно размышляя вслух:

– Белому движению откровенно подфартило, просто жутко счастливое стечение обстоятельств. Тебя в июне восемнадцатого из-под расстрела спасли, я в декабре следующего года в шкуре одного спившегося ротмистра очутился... Вроде маленькие, совсем незначительные нюансы, это я к роли личности в истории, но весьма значимые. Помнишь, Мики, восточную мудрость про лишнюю соломинку, что сможет сломать хребет здоровенному, но хорошо нагруженному верблюду?

Арчegov криво улыбнулся – новостям из Европы следовало радоваться, только последние дни он не находил себе места. В голове погребальным колоколом билась одна мысль...

Трапезунд

«Никак выгорело дело?»

Тирбах пристально смотрел на вырастающий в темноте борт турецкого корабля. Тот словно вымер, на борту не было видно ни одного огонька, даже на полубаке, обычной «матросской курилке» на всех флотах мира, не мерцали огоньки папирос. И как офицер ни вглядывался в ночную, хоть глаза выколи, густую темноту, но признаков жизни на канонерской лодке «Айгин-Рейс» обнаружить так и не смог.

Это означало только одно из двух – либо штурмовая группа мичмана Осипова уже взобралась без шума на борт «османа» и принялась вершить там «зачистку», как любил выражаться его высокопревосходительство генерал-адъютант Арчegov в первый месяц обучения будущих «боевых пловцов» на учебной базе, что была основана на берегу Байкала у Лиственничного. Либо, что тоже весьма вероятно, экипаж там откровенно манкировал воинской службой и дрыхнул самым бессовестным образом.

Такой вариант имел весьма высокую вероятность – на турецком флоте вот уже полвека царили весьма странные для любого европейского моряка порядки начиная с дисциплины, и даже строгие и педантичные германские офицеры, всю войну проводившие на палубах османских кораблей, не смогли выбить из голов восточных союзников накопившийся за столетия груз дурных обычаев.

«Может быть, на борту нет никого, а команда канонерки сошла на берег еще вчера? Да что это за порядки у них такие – идет война, а тут спят все кругом, и флот, и гарнизон?!»

Тирбах задал себе еще один вопрос, на который пока не мог дать ответа. И усмехнулся, стараясь подавить предательскую нервную дрожь – слишком рискованную задачу предстояло решить.

...Месяц тому назад в Севастополе, на борту флагманского «Императора Петра Великого» с ним беседовал адмирал Колчак – да-да, именно беседовал, со всей искренностью, с которой маститый флотоводец может говорить с заслуженным офицером.

Александра Васильевича заинтересовали некоторые моменты, связанные с августовским инцидентом на Сунгари, что являлось строжайшим секретом, ибо тот мог привести к серьезным внешнеполитическим осложнениям между Сибирью и Китаем. Памятуя прямой на то приказ генерала Арчегова, Тирбах не стал хранить тайну.

Дело в том, что южный сосед воспользовался революционными событиями и нагло захватил добрый десяток плававших по Амуру русских пароходов. Большинство из них удалось возвратить уже в конце лета, благо вступившие в строй мониторы и другие корабли Амурской флотилии вернули китайцам должное уважение к Андреевскому флагу. Но с двумя, которые были вооружены мелкокалиберными пушками и названы для вящего страха «северных варваров», а именно так именовали русских ханыцы, «речными крейсерами», пришлось повозиться.

Один был сразу перехвачен «Вьюгой» – демонстративно направленные на китайцев орудийные башни тысячетонного бронированного монитора, из которых торчали весьма устрашающие стволы, привели моряков Поднебесной в состояние жуткой паники – они сразу же выбросились на берег, оставив прежним хозяевам судно, и шустро, как ошпаренные кипятком тараканы, разбежались по тайге.

Второй крейсер укрылся в левом притоке Амура – Сунгари, в Маньчжурии, к тому же китайцы, опасаясь ответного «визита вежливости» северного соседа, перегородили русло реки минным заграждением. Перед морским министром контр-адмиралом Смирновым встала трудноразрешимая задача – как без открытия стрельбы лишить южных соседей

неправедно нажитого российского имущества и если не отобрать его обратно, то полностью уничтожить.

Вот тут-то начальство и вспомнило о секретной байкальской базе, и Тирбах получил приказ уничтожить китайский корабль, причем в самые сжатые сроки.

Операцию разработали и провели за неделю – группу моряков с миной провели вверх по Сунгари тайными тропами китайские разбойники-хунхузы, поставленные перед немудреным выбором – либо веревка на ближайшем суку, либо деньги, а потому, понятное дело, сразу же прельстившиеся навязчивым блеском презренного металла.

Петр Игнатьевич решил лично произвести дерзкую и внезапную атаку на «крейсер», считая, что будет не вправе отправлять в будущем своих моряков на смерть, не пройдя самому это первое испытание. Плавающий трехпудовый «сюрприз» спустили на воду, и, крепко держась за него, офицер с заслуженным минным квартирмейстером Волковым спустились вниз по Сунгари по течению добрые три версты, кое-как опознав в ночной темноте вожделенную цель.

Самым трудным делом оказалось прикрепить мину под днище, слушая, как сверху доносится непривычный для европейцев крикливый китайский говор. Ведь достаточно было бдительным вахтенным заподозрить неладное и бросить в воду гранату, так пришлось бы морякам уже утопленниками плыть вниз по течению вместе с тушками глушеной рыбы.

Но, как говорится, пронесло – и через два часа несчастный «крейсер» оказался переломлен чудовищным взрывом. Тирбах благополучно вернулся в Благовещенск, честно отработав, таким образом, полученные авансом долгожданные погоны капитана второго ранга. А потом было громохание вагонов по бесконечным рельсам, от Амура до Урала, стремительный бросок через Каспий и Черное море на Сулин и Констанцу...

И вот сейчас он пошел на еще более дерзкую операцию, которую со своими «боевыми пловцами» при строжайшей секретности тщательно отрабатывали три недели в Казачьей бухте на мысу Херсонес. Адмирал Колчак не отказался от его дерзкого предложения, изложенного в рапорте, тем более что свое «добро» на подготовку успел дать и генерал Арчegov, торопившийся вылететь в далекую Сибирь.

Страсбург

– Не балуй, Контра, не балуй!

Жеребец нагло проигнорировал просьбу своего хозяина и боевого товарища, презрительно фыркнув и покосившись на него лиловым глазом, продолжая бить копытом по песчаному дну, разбрызгивая во все стороны холодную, в льдинках, воду.

Странно, но зима до сих пор не вступила в свои права – серо и уныло кругом, река не замерзла, лишь у самых берегов можно было видеть тонкие наплывы льда, да кое-где виднелись грязные, в черной копоты снеговые разводы.

Мерзость, а не погода, одна слякоть – постылая бесконечная осень, и нет радующего душу белого снежка, искрящегося искрами, да морозца, что слегка прихватывает покрасневшие щеки. Отсутствует тут русская широта, все уныло и мерзко, смотреть тошно...

– Не балуй, всего замочил! Ну, ты и контра, сукин сын! Да не бей ты, а то выхолостить прикажу!

Рокоссовский с усмешкой посмотрел на своего верного копытного товарища, с которым они проделали за последние месяцы долгий путь от самой Москвы. Сколько было этих рек и речушек, больших и малых, на боевых дорогах, в которых он поил своего коня?

Названия сами о себе говорят – Днепр, Березина, Неман, Буг, Висла, Одер, Эльба. И вот, наконец, он поит коня в Рейне. А ведь были еще до этого в его жизни Кама, Тобол, Иртыш и Обь, и чуть-чуть не хватило, чтобы увидеть Енисей!

Страшно подумать, что прошло чуть больше года, как от далекой сибирской реки судьба закинула его в самое сердце буржуйской Европы, заодно предоставив возможность в полной мере насладиться победой. Побывать в Варшаве и Берлине и питать надежду в скором времени увидеть и Париж, загадочный и манящий...

Раскаленным ножом в кусок масла вошла Красная армия в Германию, полностью разорвав взбаламученную страну на две половины за каких-то четыре месяца. Немецкий пролетариат повсеместно бастовал и брался за оружие, оказывая тем большевикам неоценимую помощь. Вот и сейчас, хоть и в полном враждебном окружении, провозгласили очередную советскую республику – Бременскую. Да и в Мюнхене вновь, как два года назад, тоже объявили народную власть, и по всей Баварии начались ожесточенные бои восставших коммунистов с внутренней контрреволюцией.

Рокоссовский, пройдя весь этот путь от Одера до Рейна, прекрасно сознавал, что продвигаться вперед Красной армии скоро станет намного труднее. Французская буржуазия, до смерти напуганная стремительным продвижением большевиков, пошла на сговор с германскими капиталистами, презрев, ради собственного спасения, даже ряд статей «похабного» Версальского мира. Более того, Париж не просто разрешил немцам увеличить армию и начать производить оружие, с запада принялись поставлять пулеметы, винтовки, пушки, снаряжение и даже танки.

На западной окраине города громыхнули пушечные выстрелы, в перебранку снова вступили пулеметы – далеко над домами поднимался черный столб дыма, уходящий в серое хмурое небо. Там продолжали сражаться с конармейцами отступившие до самой границы разрозненные подразделения и группы немецких белогвардейцев. Они дрались вяло, не как прежде, видя, что сдержать яростный напор красноармейцев уже не удастся. И помощи, на которую германские офицеры и несознательные солдаты так рассчитывали, им не будет.

– Ничего у вас не выйдет, буржуи недорезанные! – пробормотал Рокоссовский и посмотрел вправо, где чуть в стороне от красноармейцев оживленно разговаривали между собою солдаты в германской серой и во французской голубоватой униформе.

Константин Константинович ожидал, что, войдя в Рейнскую демилитаризованную зону, его полк, шедший в авангарде армии, встретит ожесточенное сопротивление. Французы действительно начали стрелять, вот только чаще не в наступающих красных бойцов, а в своих собственных офицеров. Вчера целый батальон, выстроившись под красным знаменем, с громогласным пением «Интернационала», перешел на сторону революции – началось братание братьев по классу.

Добрый почин, что и говорить!

Фронт по Рейну мгновенно рухнул – колеблющиеся французские части были спешно уведены за реку генералами, которые испугались своих же солдат, что за малым восстанием не устроили. Вот только напрасно «их превосходительства» надеются сравнить между собою народы – немцы и русские уже поняли, что простые французы, рабочие и крестьяне, обряженные в солдатские шинели, воевать с ними не станут, а повернут штыки против вековых классовых врагов...

Нижнеудинск

– Костя, если мы просчитались и большевизм поглотит Францию, как и Германию, то нам вскоре придется туго! А там пожар и на Англию легко перекинуться может!

– Хана будет им, полная хана! Что уж тут слова выбирать... Вот только такой расклад так же невероятен, как предыдущий случай. По теории вероятности – дважды zero выпасть не может. Один раз хватит, пусть их результаты обнулятся. Англичане слишком любят спокойствие и порядок, чтобы начать весело поджигать свой собственный дом. Хотя люмпенов у них немало, но времена Кромвеля давно позади. Отвыкли наши джентльмены от революций, давно отвыкли!

– Так и у нас, Костя, революций никогда не было! А тут всю страну накрыло, как волной...

– Ага, сейчас! Плохо ты историю своей страны знаешь! Внезапно она началась, как же?! Пятый год тебе что, не урок? И декабристы на Сенатской площади пивом с корюшкой торговали? Отвыкли? Держи карман шире! В любом русском бунтовщик спит, а поскреби чуток, так и Стенька Разин с Емельяном Пугачевым наружу живо проявятся, а то вообще Кудеяр какой-нибудь вылезет! Империю выручало, что наш мужик не образован! Зато, когда всякие интеллигенты, что по Женевам и Парижам обучались, бунт возглавили и Ленина своим атаманом сделали, вот тут мы все шкуркой полярной лисицы и накрылись!

Арчegov хмыкнул, глядя, как чуть наморщился Михаил Александрович от такого замаскированного ругательства – не любил монарх, когда вот так аргументы подбирали. А ведь сам мог душу облегчить крепким словом, особенно когда любимым фотографированием занимался у громоздкого аппарата, и, позабыв обо всем на свете, не скупился на эпитеты. Впрочем, генерал за таким занятием своего венценосного друга видел только раз...

– Англичане по такому пути вряд ли пойдут! У них народишко позажиточней да образованный, так что чуму эту как-нибудь переживет, переболеет... Хм... Недаром наш пока «вечно живой Ильич» свое учение с бациллами сравнивает! Моровое поветрие!

– Зато французы могут сломаться, Константин Иванович!

– Ну и хрен с ними, нам же лучше! Ты вспомни, Мики, когда это лягушатники нам были не то что друзьями, но даже союзниками?! – Арчegov криво ухмыльнулся, губы сжались, глаза гневно сверкнули. – Только в прошлую войну, кстати, в первый и единственный раз за всю историю, мы сражались вместе с Англией и Францией. Последняя, кстати, всегда была враждебна России, вечный наш недруг, Мики! Тут исключений нет! Хотя... Вроде как с Наполеоном мы при их поддержке воевали, но не припомню чтобы наши солдаты дрались рядом с британцами...

– И я не припомню... – после некоторых раздумий произнес Михаил. – Во время зарубежных походов пруссаки, австрияки, шведы и прочие германцы сражались, а вот англичан не было... Ни при Лейпциге, в «Битве народов», ни при взятии Парижа!

– Вот видишь, Мики, какие они нам союзники?! Мы всю войну захлебывались кровью, а они потом воспользовались плодами победы и развалили Россию, а заодно и Германию с Австрией! Как позже приложили руку и к распаду Союза – и там постарались на совесть, гниды! Это нам не союзники, Михаил Александрович, а вечные и постоянные враги, которые изредка надевают маску дружбы, но за ласковой улыбкой прячут нож. Исподтишка напаковать норовят – это даже не волки, а именно шакалы, терпеливо ждущие своего часа! Да еще чужими руками норовят жар все время заграбастать. Я не помню точно кто, но один из их премьер-министров так и сказал: «Плохо, когда с Россией никто не воюет!»

– Лорд Пальмерстон, если мне память не изменяет! – направив взор в окно, глухо произнес Михаил Александрович, на скулах которого заходили тугие желваки. Хотя в бытность

великим князем он несколько лет прожил в Англии, изгнанный из России братом за морганатический брак, и вполне искренне наслаждался размеренной жизнью на «туманном Альбионе», но только последние месяцы император стал отчетливо понимать, насколько враждебна политика Англии по отношению к России: с неприкрытой корыстью и своим вековым постоянством.

– Ты, Мики, не обольщайся! Британцы, когда нужно до зарезу, сквозь задницу вывернутся, без мыла в любую щель пролезут, да так, что никто не заметит! Даже не почувствует... Хм, о чем это я?! Вспомни, как они нас уговаривали с Наполеоном воевать, с тем же кайзером, а в моей истории и с Гитлером. В коврик половой готовы были превратиться, лишь бы ноги вытерли. Всего год назад они рассуждали, что неплохо было бы Россию поделить между всеми заинтересованными союзными державами, пока наша страна ослабела, в раздорах и междоусобице погрязла! С нами как с дикими туземцами обращались, с презрением нескрываемым – я на собственной шкуре ощутил, когда с союзными послами переговоры в Иркутске вел! А теперь их хорошо попривало, и маски сменились – заискивают перед нами, падлы!!!

– Куда им сейчас деваться? – Михаил Александрович невесело рассмеялся. – Только челом нам и бить – большевики уже вышли к Рейну: впереди Эльзас и Лотарингия, а там и Париж близко. И в Англии не все ладно. Мне из Лондона доклады подробные шлют – там по стране идут забастовки и бурные манифестации, для разгона которых применяют даже танки!

– Ты, Мики, Ирландию еще вспомни – как британцы тамошним фениям «Кровавую Пасху» устроили. «Демократы», мать их за ногу, огнеметами людей жгли! Даже наши большевики, на что изуверы изрядные, до такого варварства не додумались. Смех и грех – но нам сейчас надо хорошо за Ленина помолиться, за успех его почти безнадежного предприятия! Ибо чем сильнее большевики ослабят Запад, пустят кровь «союзникам», тем для нас лучше. Я бы даже помог им в этом благом деле! Но раз уж ты не желаешь, Мики, избавиться от комплексов...

– Это не комплексы, а старые привязанности, Костя! Просто я не хочу, чтобы большевики превратили эти страны в пепелища. Ты не знаешь, как хорошо прохаживаться по вечернему парижскому бульвару под старыми каштанами, молча смотреть на Сену, подниматься на Эйфелеву башню? Или просто дышать лондонским туманом ранним утром...

– Разве я сухарь, понимаю – ностальгия! Да и людей жалко, они-то в чем виноваты?! Солдаты кровь проливают, а политиканы вершат их судьбы и набивают карманы золотом... Нет, нет, Мики, – Арчegov в искреннем порыве даже поднял ладони, – хоть я и ненавижу эту западную «либерастию», но помогать большевикам не буду, ибо это вернется рикошетом!

– Что у тебя за слова, Константин Иванович?! Странно слушать столь неподобающие выражения от тебя, ты же генерал-адъютант!

– Мы в гимназиях-с не обучались...

– Я тоже, но учителя во дворце строгие были! Я тебе скажу одно – пусть все идет своим чередом, ваше высокопревосходительство! Не стоит оказывать услуги врагу, с которым нам предстоит вскоре воевать. Сам же говорил мне про ту лишнюю соломинку, что может просто сломать хребет любому верблюду.

– Говорил, ваше величество! Однако позволь задать тебе всего один вопрос. – Глаза Арчегова чуточку сверкнули, и Михаил поневоле напрягся. Император по своему опыту знал, что сейчас его хитроумный друг уже задумал какую-то гадость своему противнику, причем совершенно непредсказуемую. – Ответь мне – какой верблюд в караване везет на своем горбу самый тяжелый груз?

– Самый сильный, не иначе... – после короткой паузы, потраченной на поиск потаенной каверзы, без которых Арчegov никогда не обходился, тихо произнес Михаил Алексан-

дрович. И тут же в ответ прозвучал злорадный генеральский смех, дребезжащий нехорошими нотками.

– Нет, Мики! Самый тяжелый груз несет самый тупой верблюд! И для наших «союзников» мы были прошлую войну именно таким двугорбым. Даже сейчас, находясь на краю пропасти, они привычно пытаются скинуть на нас бремя войны, мы же заранее подставляем плечи, как тот верблюд спину. Ну и как нас именовать прикажете?!

– Что ты предлагаешь?

Император прикусил губу, но обиды не держал – Константин Иванович назвал вещи своими именами. Такая грубая и нарочитая прямота друга иной раз его язвила, как человека, но зато шла во благо императору, а потому прислушаться к нему было необходимо. Еще не было случая, чтобы, задав вопрос, Арчegov не имел на него своего ответа.

– Пока ничего не предлагаю, Мики, только спрошу тебя еще раз. Ты хочешь увидеть Петербург, походить по Дворцовой площади, прогуляться по набережной? Полюбоваться золоченым Адмиралтейским шпилем, посмотреть на разведенные над Невой мосты? Вдохнуть полной грудью свежего соленого воздуха Балтики?

– Ты, Костя, кружева не плети, говори прямо!

– Дорога в Петербург для нас идет только через пепелище Парижа, взятого красными через пару месяцев. А посему мы должны скинуть весь груз на спины наших заклятых «друзей», все лишние соломинки. Если сломаются, то и хрен с ними! Но с большевиков они огромную плату поперед возьмут, причем кровью!

– Но мы же взяли на себя определенные обязательства, Костя?! Или ты уже о них подзабыл?

– Взяли – выполним! Но чуточку позже... Так и поясним – не получилось вовремя, господ хорошие, задержка-с! Нам нужно, как тому пакостливому коту, сначала нагадить им в ботинки!

Арчegov громко засмеялся, только смех генерала был нехорошим, наигранным, злым.

– Видишь ли, Михаил Александрович, мы должны сделать все, чтобы красные перебросили на Западный фронт как можно больше сил! Тогда дорога на Петербург и Москву для нас будет открыта. Слишком мне не нравится, что Фрунзе развертывает свежие дивизии у нас под самым боком, а посему хорошо будет, если красные перебросят на Западный фронт хотя бы половину своих резервов.

– Да?!

– Только этот вариант принесет нам полный успех, и мы сможем до осени освободить Россию. В противном случае ход войны становится для нас совершенно непредсказуемым. А тут нужна только беспроницаемая ситуация!

– Что ты предлагаешь?

Михаил Александрович демонстративно пожал плечами с самым безмятежным видом, хотя с натянутыми в звонкую струну нервами прислушивался к другу. Только спросил с улыбкой:

– Совершенно не представляю, как можно заставить красных перебросить дополнительные подкрепления на Рейн, задействовав последние резервы. Они что, Костя, должны полностью ослепнуть и не видеть угрозу, идущую с юга и Сибири?!

– Ослепнуть? Хм... А в этом что-то есть... В свое время Полифем на один трюк попался...

Трапезунд

Огромный корпус транспорта «Шахин», высившийся черной глыбой, служил неплохим прикрытием для небольших канонерских лодок «Айгин-Рейс» и «Перевеза» от атаки стремительных русских «новики» с внешнего рейда, вот только турецкие моряки явно не рассчитывали на подобный ночной визит из самой гавани.

– Наши сигналият!

Молодой старшина, стуча зубами от охватившей нервной дрожи и забыв про субординацию, чуть тронул сидящего рядом с ним Тирбаха за локоть. Тот понимающе улыбнулся – парня колотило отнюдь не от страха, нет – просто в первый раз идет в бой, ведь темнота в любую секунду может быть взорвана яркими вспышками выстрелов, а по их утлой лодочке пройдет свинцовым гребнем длинная пулеметная очередь.

Тут даже повидавшего виды боевого офицера мандраж одолеть может, не то что необстрелянного унтера, пусть и хорошо обученного за долгие месяцы и даже подравшегося с партизанами на далеком Амуре. Все же первый выход на такое дело!

– Вижу! – коротко бросил в ответ Тирбах. Прищулив глаза, он хорошо видел короткие вспышки фонарика, сигнализирующие, что захват канонерки «Айгин-Рейс» прошел как по маслу.

Сглотнув противную сладость сиропа – пришлось-таки морякам схрумкать по большому куску рафинада, испытанного средства, дабы глаза в темноте лучше видели – Петр Игнатьевич чуть привстал и, улучив момент, уцепился за скобы шторм-трапа. Быстро перебирая руками и ногами, офицер поднялся на борт турецкого корабля и тут же наткнулся на ухмыляющегося мичмана Осипова.

Даже в темноте была видна улыбка на чумазом, в маскирующих лицо черных полосах и разводах сажи, лице старого служаки, сжимавшего в руке «наган», на ствол которого был приспособлен толстый цилиндр глушителя, что были изготовлены еще в Лиственничном.

– Тут полный бардак творится, командир! – Шепот широкоплечего, с могучей грудью мичмана походил на грохот камней в оцинкованной бочке. – Тихо взяли, никто пикнуть не успел!

– Всех порешили?

– Обижаешь, Петр Игнатьевич! – Осипов фыркнул. – Тепленькими слепили, обидно, даже пострелять не пришлось. Здесь только два десятка с офицером, и спали все как сурки, даже вахтенные. Экипаж на берег давно списали, да и этих нужно следом за ними отправить. Это ведь не флот, а полнейший бардак, право слово!

Тирбах мельком мазнул взглядом вокруг и пришел к точно такому же выводу – лучше не иметь флота, чем служить на таком. Ладно, война, она многое спишет, но ведь какой-то порядок держать нужно. А тут палуба бог знает сколько не драилась, загромождена какими-то железками, вместо облупившейся краски ржавчина, везде в глаза бросаются следы нерядивости – действительно бардак, если не хуже.

– В пушках чуть ли не мокриц разводят, боюсь, опасно с них стрелять! – Мичман, демонстрируя искреннее презрение, сплюнул на палубу. – Пошуметь придется, командир, пока их почистишь. Снарядов три десятка имеется, так что поддержим наших, если что не так пойдет. Только пробанить хорошо нужно, иначе нельзя!

Тирбах внимательно посмотрел на спящий берег, лишь кое-где освещенный тусклыми огоньками коптилок и ламп. Казалось, что южный город спал беспробудным сном, но это было не так, далеко не так, как знал офицер. Где-то в глубине ночи уже рыскали по его узким улицам небольшие группы русских солдат из тех, кто заранее под разными личинами прибыли в Трапезунд или высадились на берег час назад, доставленные сюда подводными лод-

ками, рыболовецкими шаландами или контрабандистскими шхунами. На последние турки всегда смотрели сквозь пальцы.

Доброхотов среди местного греческого населения хватало с избытком – долгие годы лелеемая ими месть к вековым угнетателям вырвалась на волю, и можно было не сомневаться, что сейчас потомков древних эллинов на улице намного больше, чем русских.

Да и уцелевшие от резни пять лет тому назад армяне принимали в подготовке восстания самое активное участие, рассчитывая на защиту русских штыков – ненависть к туркам наследники царя Тиграна впитывали с молоком матери.

– «Перевеза» взята, Петр Игнатьевич, как и «Шахин». Сигналят о семи убитых османах, у нас потерь нет. На канонерке имеются снаряды, баковое орудие уже может стрелять.

– Хорошо... Баньте пушку, мичман, шумите, но тихо. И без приказа не стрелять – передайте на другие корабли. На «Тюлень» тоже! – вполголоса, сквозь зубы пробормотал Тирбах, продолжая смотреть на спящий город.

Ставки сейчас были предельно высоки – в Трапезунде находились огромные склады Кавказской армии, оставленные три года тому назад солдатами, бросившими фронт.

Кое-что турецкие аскеры использовали, часть растащили местные жители, но большая масса оружия, боеприпасов, снаряжения и амуниции была еще относительно пригодной для использования – кому из крестьян нужны в хозяйстве пушки без лафетов, бомбометы или самое разнообразное инженерное имущество?!

Русское командование потому решило брать Трапезунд во второй раз, но уже внезапной атакой с моря и высадкой десанта. Свою задачу он уже выполнил, но в городе стрельбу следует ожидать каждую минуту – не у всех же пойдет как по маслу!

Так что времени терять было нельзя – пара четырехдюймовых английских пушек, установленных на каждой из канонерок, способны были хорошо устроить турецких аскеров и не дать им уничтожить вдругорядь приобретенное достояние...

Страсбург

– Что, товарищ комполка, призадумался?

За спиной раздался знакомый голос, и Рокоссовский, отбросив воспоминания о проделанном пути от заснеженной Сибири до промозглой Франции, обернулся.

Начальник дивизии Тимошенко ему нравился – хваткий и решительный украинец, он недаром слыл одним из лучших командиров прославленной уже в боях и походах 1-й Конной армии.

– Да вот, Семен Константинович, стоял и думал, каким меня ветром от Енисея до Рейна занесло?!

– Эка невидаль, Рейн?! – пренебрежительно взмахнул рукой Тимошенко. – Наш Днепр намного шире! А уж с Волгой и сравнивать нечего – срамota одна, канава канавой, тьфу! А еще ждут нас, товарищ Рокоссовский, ихние, – начдив даже наморщил широкий лоб, припоминая название, – Сена и Луара! Мы еще из Темзы своих лошадей поить будем! Мировая революция, брат, идет, не хухры-мухры!

– У меня в полку всего двести бойцов осталось, из них треть в пулеметном эскадроне! – угрюмо бросил в ответ Рокоссовский, недовольно покосившись на жеребца. Тот продолжал баловать, расплескивая кругом воду. Радовался жизни, мерзавец эдакий!

– Эка он у тебя игривый! Давай мену устроим, комполка? Твоего на мою кобылу аглицких кровей?!

– Не согласный я, Семен Константинович, не обижайся! Мы с Контрой до самого Парижа дойдем!

– Жаль... – с вздохом истового ценителя лошадей недовольно буркнул Тимошенко, завистливо покосившись на притихшего жеребца. Тот, словно поняв, что разговор зашел о нем, свирепо косил глазом в сторону начдива да показывал крепкие зубы – кусался, стервец, как та собака злая. – Хорош конь, цены ему нет! А насчет потерь скажу честно – так они у всех большие! Но есть у меня хорошие новости, Константин Константинович, – пополнение подошло.

– Большое? – сразу же поинтересовался Рокоссовский, с души которого словно упал тяжелый камень. Но Тимошенко мотнул головою в сторону, и командир полка тяжело вздохнул.

– Выскребли в тылах все, выздоравливающих даже. Отдельный маршевый дивизион в твой полк вливаю, всего две сотни сабель. И еще десяток пулеметов-ружей даю, что французские товарищи передали. Это все, комполка! Но есть и добрые вести! Обещают на усиление вскоре отправить весь корпус «червоного казачества» товарища Примакова, мне о том в РВС армии сам Ворошилов говорил. Мыслью, через месяц подойдет, мы как раз в себя придем да тылы подтянем. Так что цени мою доброту – тебе одному пополнение только досталось!

– Спасибо, Семен Константинович!

У Рокоссовского немного отлегло от сердца. Все же три с половиной сотен сабель великая сила, которая становится грозной при двух десятках пулеметов. Теперь дорога до Парижа показалась ему не столь трудным предприятием, как раньше.

– Ничего, вот отдохнем чуток, лошадей выходим, порядок должный наведем. Бойцов наших приоденем, поистрепались они, да и дальше пойдем, пока не скинем местную французскую контру в Атлантический океан. А там вернемся домой и белым накомыляем по самую шею, перетопим их в Черном море как паршивых кутят! Ведь так, тезка?!

– Так, Семен Константинович, только бы назад вернуться!

Охотно согласился с молодым начдивом Рокоссовский, хотя отчество он взял себе русифицированное, несколько затушевав польское происхождение отца, которого нарекли при рождении Ксаверием.

Тимошенко усмехнулся, словно прочитал мысли, и посмотрел тяжелым взглядом на командира 27-го кавалерийского полка.

– У моего соседа Апанасенко бой с немцами идет, подмогнуть ему бы надо, как думаешь?! Дюже зло германцы там дерутся. И пополнение свое заодно опробуешь, посмотришь, каковы люди.

Приказ был отдан Тимошенко в такой форме, что Константин Константинович подтянулся, ответил четко, как по уставу надлежит командиру Рабоче-крестьянской Красной армии:

– Так точно, товарищ начдив!

Москва

«Одни глаза остались, и те злые, бешеные, как у волка. Зрачки огромные, крылья носа дергаются – никак опять за свой кокаин принялся? А то и верно, с этими поляками никакого здоровья не хватит, будь оно хоть трижды лошадиным!»

Троцкий буквально впился взглядом в зеленоватое от усталости лицо Дзержинского. С впавшими глазами, с дергающимися от нервного тика щеками, председатель ВЧК и по совместительству глава новоявленной Польской Советской Социалистической Республики выглядел совсем худо. Было видно, что он держится на одной только воле, до донышка исчерпав физические и духовные силы.

«Укатали Сивку крутые горки!» – мысленно посочувствовал «железному Феликсу» Лев Давыдович, хотя был всегда чужд к подобным слабостям. Правда, к другим людям, но не к самому себе.

Несмотря на нетерпимость друг к другу, сейчас Дзержинский открыто встал на сторону председателя РВС Республики. Как никто из находившихся сейчас в кабинете руководителей Советского государства, Феликс Эдмундович отчетливо понимал, что бросок за Вислу и Эльбу потребовал от Красной армии чрезмерных усилий и огромных потерь, и беспрерывное наступление может остановиться в любой момент.

– Я считаю, что выделить дополнительные силы мы в состоянии, ведь у нас под ружьем до трех миллионов красноармейцев, а на Западном фронте едва триста тысяч, в частях большой некомплект...

– Вы не правы, Феликс Эдмундович! Германский и французский пролетариат на нашей стороне, а потому крах контрреволюции неизбежен! А это одно опрокидывает все домыслы Льва Давыдовича!

Ленин вскочил с кресла, возбужденно потирая руки, его лицо пылало багровым румянцем, борода задралась. Он быстро прошелся вдоль стола, чуть подволакивая ногу, – глаза собравшихся товарищей пристально смотрели за вождем мировой революции.

Все не скрывали удивления – к доводам Дзержинского Владимир Ильич всегда прислушивался, а тут наотрез отказался их даже выслушать, не дал ничего сказать, перебив, буквально смяв, доводы председателя ВЧК неистовой горячностью.

– Конница товарища Буденного вышла к Рейну, остался бросок на Париж! Это дело нескольких недель – буржуазия уже трепещет перед стальным натиском вооруженного пролетариата! Нужно незамедлительно наброситься и уничтожить белые полчища на юге, скинув их в Черное море! Вот что архиважно в настоящий момент! Собрать все наши силы в единый мощный кулак и ударить наотмашь! А товарищ Троцкий предлагает перебросить все резервы на запад, туда, где уже все решено! Да-да, решено! Такое не следует оставлять без внимания...

– Владимир Ильич, позвольте и мне сказать! Вас совершенно неправильно информировали... А то ложно и предвзято, если не сказать иначе! Такое чревато последствиями для нашей революции!

Троцкий сразу понял, что в возводимых на него обвинениях вождь может зайти слишком далеко, а потому тоже не стал стесняться, громко перебив его страстную речь, и даже приподнялся со стула.

– Я прошу тебя объясниться перед товарищами, Лев Давыдович! Категорически настаиваю!

Ленин остановился на полушаге, словно застыл на мягком ковре. Он никак не ожидал от Льва Давыдовича столь яростного выкрика, больше похожего на рев смертельно раненного зверя, и несколько потерял горячность. Было видно, что вождь растерялся – послед-

нее время никто из товарищей не смел вот так нагло обрывать его речь. Потому в голосе явственно просквозили нотки истеричности, когда он снова окрепшим голосом потребовал у своего оппонента сатисфакции:

– Я требую объясниться перед нами! Что вы можете нам сказать в свое оправдание, Лев Давыдович?!

Гаага

– Пусть новый год будет намного лучше старого...

Моложавый мужчина, подступивший к сорокалетнему порогу, с тоскою посмотрел на свинцовую воду канала, по которой плавали пестрые утки.

Зимы в здешних местах, пропитанных соленой влажностью от подступившего моря, всегда отличались непривычной для Германии мягкостью, и ледяной панцирь редко когда сковывал Нидерланды – «Низменную землю», как называли ее местные жители, или Голландию, по названию самой большой из семи «Объединенных провинций».

– Нет, все кончено!

В который раз мужчина удивился превратностям судьбы – ведь раньше он жил совсем иначе, не замечая обыденных вещей, а сейчас не имел в кармане даже маленького кусочка хлеба, чтобы накормить его оставшимся зимовать птицам.

Еще бы – три года назад он, Фридрих-Вильгельм, кронпринц Германской империи и наследник престола, старший сын кайзера Вильгельма II, командовал целой группой армий на Западном фронте, имел под рукою свыше миллиона солдат и в одночасье, всего за несколько дней, стал нищим бродягой. Он едва сумел сбежать из охваченной революционным безумием страны, которое и невозможно было представить раньше.

– Проклятая война!

Кронпринц вытер серым полотняным платком лицо, чувствуя, как промокло и отяжелело его пальто от дождя с липким снегом, что шел уже добрый час, и негромко выругался.

За долгие четыре года «окопной» бойни «старый и добрый фатерланд» изменился, став совсем иным. И во всем виноваты подлые изменники, что не позволили закончить войну блестящей победой, подведя могущественную прежде страну к самой чудовищной катастрофе за всю ее историю, перед которой меркнут страдания той вековой давности, когда Пруссию оккупировали войска «маленького корсиканца».

Он вспомнил, как искренне радовался, когда Россия была поставлена на колени, а в ноябре 1917 года там утвердились у власти большевики. И если бы он знал, какая зараза охватит солдат на Восточном фронте, то уговорил бы отца раздавить этих мерзавцев, еще не укрепившихся в Московском кремле. А когда понял, то было уже поздно – революция нанесла удар в спину, и фронт на западе рухнул.

Остаться в стране было безумием, и он вслед за отцом бежал в Голландию, пожалуй, единственную страну в Европе, что могла предоставить убежище.

Ну не в Данию же бежать на самом деле, где люто ненавидели всех немцев, или в Испанское королевство, до которого было слишком далеко! А больше в Старом Свете не имелось тихих уголков, которых мировая война не затронула бы и где можно было бы получить временное убежище от венценосных «кузенов».

Но и здесь он испытывал чрезвычайную нужду – пусть голландцы не воевали, но морская блокада, что установили британцы, сказалась на благосостоянии местных жителей, родственных немцам по крови, потому и помогавших, пусть и тайно, вести длительную войну.

Ведь не секрет, что на каждого голландца или шведа, от старика до ребенка, пришлось за эти долгие четыре года по целой тонне шоколада (транспорты с продовольствием англичане время от времени пропускали в нейтральные порты), съесть который было просто не под силу даже невероятному обжоре. Понятно, что большая часть поставок сразу же уходила через подставных лиц в рейх, за неплохие, кстати, денежки...

Москва

Трое сидевших за столом дружно посмотрели на Троцкого, их взгляды были разными, он это почувствовал в одно мгновение – сочувствующим, откровенно враждебным и заинтересованным.

В Дзержинском Лев Давыдович видел надежную поддержку, которую они последние три месяца оказывали друг другу, прекрасно понимая, что без взаимной помощи удержать советизируемые территории Германии и Польши просто невозможно.

Ленинская креатура, наркомнац и секретарь ЦК Иосиф Сталин машинально потирал правой ладонью левое плечо, с заправленным под поясной ремень пустым рукавом гимнастерки. Оправившийся от полученного в Берлине ранения, в результате которого ему отрезали руку, молодой грузин стал пользоваться еще большим доверием Ленина и быстро пошел в гору, сосредотачивая в своих руках партийные дела.

Троцкому сильно не нравилось, что в последние месяцы, пользуясь его отсутствием в Москве, Сталин стал выдавливать из аппарата ЦК его ставленников и союзников, но поделаться ничего не мог. Единственное, что смог его заместитель по РВС Склянский, так это то, что удержал под своим контролем все перемещения по наркомвоенмору.

Назначенный командующим вооруженными силами, на место застреленного в Берлине Каменева, Михаил Фрунзе не скрывал в глазах застарелой ненависти к председателю РВС – еще со времен победоносного наступления на Восточном фронте против Колчака в 1919 году между ними возникла обоюдная неприязнь, едва не перешедшая в открытую свару. Тогда Троцкий сумел сместить его с поста командующего фронтом, благо авторитетом пользовался немалым.

«Ох, как смотрит на меня, одна злость в глазах!»

И вот теперь аукнулась та давняя ссора, и Лев Давыдович сразу же понял, откуда ветер дует и кто стоит за столь неуступчивой и откровенно враждебной позицией «Старика».

– Наше наступление на Францию сейчас невозможно – части полностью обескровлены, а помощь со стороны немцев недостаточна! Внутренняя контрреволюция в Германии оказалась намного сильнее наших белых, советская власть пока утвердилась только в Берлине, Лейпциге и Мюнхене. За дальнейшее продвижение придется платить большой кровью, а в тылу до сих пор не усмирённая Польша. И если мы сейчас не бросим на Западный фронт все резервы, то буржуазия понемногу соберет силы и сама перейдет в наступление. Уже сейчас Париж снял все ограничения по Версальскому миру и начал вооружать до зубов немцев, передавая им пушки, пулеметы и ружья в невероятных количествах. Даже танки и те дают!

Несмотря на полночный час, возбужденная обстановка сделала свое дело – Троцкий говорил на одном дыхании, но воздуха все же не хватило, и он остановился, переводя дух.

Этой паузой сразу же воспользовался Дзержинский – с ним Лев Давыдович ехал из Варшавы в одном вагоне, и они смогли обсудить многое. Времени у них хватило с избытком, ведь дорога от Берлина до Москвы заняла целых пять дней, несмотря на то что поезд являлся литерным и шел вне всякой очереди.

– Нам не до сантиментов, революцию в перчатках не делают! Но чтобы утвердить в Польше советскую власть, нужно истребить панство до последнего человека. Пся крев! Страна буквально засорена враждебными элементами, и так по всей Европе! Если мы потеряем хотя бы день и не усилим натиск, дадим буржуазии передышку, то собственными руками погубим начатое дело мировой революции!

Дзержинский говорил горячо, перемешивая русские и польские слова – его лицо покраснело и покрылось капельками пота, глаза горели неистовым огнем фанатика.

Льву Давыдовичу на одно мгновение даже стало жутко, ибо только сейчас он осознал в полной мере, насколько опасен для всех «карающий меч революции». Незаметно, с нескрываемым облегчением выдохнул – пока «железный Феликс» на его стороне, все свершится, как должно, ибо под его неистовым напором никто из присутствующих не устоит.

«Что, проняло?!» – злорадно подумал Троцкий, он почти не слушал председателя ВЧК, но видел, как смешался «Старик», как Сталин задумчиво поглаживает усы и как неожиданно побледнел Фрунзе. И только сейчас Лев Давыдович почувствовал, как по его лицу течет горячий пот.

Председатель РВС достал из кармана белоснежный платок, аккуратно отер лицо и сунул его обратно. Пальцы тут же наткнулись на сложенный листок бумаги. Троцкий вспомнил, что, перед тем как на вокзале сесть в автомобиль рядом с Дзержинским, прибежавший посыльный из штабного вагона принес ему экстренную радиограмму.

Прочитать ее в сгустившихся сумерках Лев Давыдович тогда не смог, да сильно торопились они в Кремль, не желая терять ни минуты и не ожидая, что их вот так враждебно примет Ленин.

Бумага словно обожгла пальцы, Троцкий торопливо развернул листок, впившись глазами в напечатанные строчки. Перечитал еще раз, медленно, не в силах поверить. И задохнулся от чувства пронзительной радости, теплой волной разлившейся по всему телу...

Гаага

– Вы оружейнику Хуго Шмайсеру не родственник, гауптман?

Кронпринц с интересом посмотрел на молодого мужчину в отлично пошитом костюме, что не только не скрывал, но даже подчеркивал военную выправку. Ночной визитер совершенно не пугал – кому нужна жизнь бывшего кронпринца рухнувшей империи.

– Нет, ваше высочество, я ему не родственник, – улыбнулся офицер и добавил со значением: – и даже не однофамилец!

– Вот как...

Фридрих-Вильгельм с интересом посмотрел на нежданного гостя. Сразу промелькнула мысль, что он может быть одним из подчиненных бывшего начальника военной разведки полковника Николаи, где смена фамилии агента являлась обыденным делом.

– Тогда, я надеюсь, вы позволите мне узнать вашу настоящую фамилию и чин?

– Я капитан, ваше высочество, это верно. А вот фамилий за свою суматошную жизнь менял много. Были и немецкие – Кемпке, фон Путт и другие, да и русских хватало, даже еврейская была, поскольку характер у меня живой и непоседливый. Отвечу на ваш невысказанный вопрос – под началом полковника Николаи я никогда не служил, хотя к германской разведке имею самое непосредственное отношение. Моим начальником был адмирал... но это пока тайна, ваше высочество...

Визитер опять странно улыбнулся, кронпринц прикусил губу, понимая, что оговорка была отнюдь не случайной. Офицер скрывал какую-то загадку, тайну, и это еще более раззадорило любопытство.

– Вы служили у русских?

– Да, ваше высочество! И еще в Сибири... Скажу прямо, не хвастаясь – император Михаил Александрович обязан мне жизнью!

– Хм...

Фридрих-Вильгельм медленно прошелся по небольшой, уютной комнате, что была его кабинетом, задумчиво посмотрел на играющие алым пламенем угли в зеве старого камина. Надежда вспыхнула в душе – ведь не случаен этот визит, отнюдь не случаен.

– Вы приближенный русского императора?

– Я был его флигель-адъютантом, ваше высочество!

Шмайсер медленно извлек из кармана пиджака раскрытый конверт и протянул его кронпринцу. Тот извлек из него жесткую фотографическую карточку и буквально впился в нее глазами – терзавшие душу сомнения рассеялись в единый миг.

Императора Михаила, с которым встречался двадцать лет тому назад, Фридрих-Вильгельм опознал сразу, пусть немного постаревшего. В стоящем рядом с ним офицере в хорошо пошитом мундире, с аксельбантами и белой гвардейской амуницией имелось удивительное сходство с визитером, что не могло быть случайным совпадением.

Он перевернул карточку, увидел надпись на кириллице, прочитать которую не смог ввиду незнания языка. Зато дата была годичной давности – 20 января 1920 года.

– Карточка из Красноярска, ваше высочество, там имеется адрес фотографа! – улыбнулся офицер. – Надпись сделана императором собственноручно и гласит: «Моему другу и спасителю, благодарный Михаил».

– Вы сказали, что были его флигель-адъютантом, капитан? Но почему были?! Насколько я разбираюсь в русских мундирах, на вас здесь полковничьи погоны с вензелем?!

– Я гауптман германской армии, но полковник российской, в которой служил с лета 1918 года. И сейчас не являюсь царским флигель-адъютантом, потому что считаюсь погиб-

шим с лета прошлого года. «Воскресать» не имею ни малейшего желания, так как не желаю стать самым натуральным покойником.

– Вы чего-то опасаетесь, Андреас?

Фридрих-Вильгельм сознательно произнес настоящее имя, а отнюдь не вымышленную фамилию своего ночного гостя, пусть и незваного, но желанного – разговор был чрезвычайно интригующим.

– Моей смерти желают император Михаил и его генерал-адъютант Арчegov, весьма влиятельный военный министр Сибири. И не буду скрывать от вас, ваше высочество, их желание весьма обоснованно. Все дело в том, что в мае прошлого года я организовал расстрел сибирской делегации в Москве и попытался совершить переворот в Иркутске.

– Почему вы это сделали?

Кронпринц нахмурился – об упомянутых Шмайсером событиях в Голландии ходили лишь смутные слухи, противоречивые, таинственные и непонятные. Но чтобы вот так откровенно заявить о том, нужно быть либо безумцем, либо...

– Я предпринял такой шаг только потому, что понял главное – спасение в России империи принесет гибель Германии. Жаль, что не получилось, а генерал-адъютант Фомин заплатил за участие в моем предприятии жизнью. Он не стал жертвой эсеровских боевиков, как о том писалось в газетах, его вынудил совершить самоубийство Арчegov. Так что я имею основание скрывать от всех свое «воскрешение»!

Офицер говорил все с той же странной улыбкой, от которой на душе становилось тревожно. Нет, тут не было угрозы, но кронпринц чувствовал себя неудобно.

– Я хотел посягнуть и на жизнь императора, ваше высочество, ибо считаю, что этот оживший покойник поставит будущее рейха под большую угрозу. Красные уже захватили почти всю Германию, они прорвались к Рейну – у нас остались только северо-западные земли, удержать которые будет чрезвычайно трудным делом.

– Оживший покойник? Что вы имеете в виду?!

Кронпринц пристально посмотрел на офицера – но нет, тот не походил на безумца, оставаясь спокойным, а взгляд даже стал холодным, чуточку безжалостным – мурашки пробежали широкой волною по спине, и Фридрих-Вильгельм машинально пожал плечами.

– Я искренне отвечу на любой ваш вопрос, ваше высочество. Но прошу взглянуть на эти деньги!

Шмайсер протянул две небольшие серебряные монеты, кронпринц положил их на ладонь и посмотрел. И не смог поверить собственным глазам – такого просто быть не могло, ни в каком случае! После долгой паузы он лишь тихо спросил:

– Ответьте, капитан, – это мистификация или нечто иное?!

Глава вторая. И смерть не главное из бед... (21 января 1921 года)

Москва

Часы давно пробили полночь, но страсти в кабинете не утихали. Троцкий, сцепив зубы, молча смотрел за двигающимися по кругу стрелками, слушая с нарастающей злобой своего главного оппонента.

– Если мы перебросим на Западный фронт кавкорпус Примакова и семь стрелковых дивизий, как действительно требует Лев Давыдович, то совершенно оголим наш Южный фронт. И это в тот момент, когда белые собирают там свои войска и готовятся перейти в решительное наступление. Такое решение председателя РВС категорически недопустимо! Они прорвут слабые кордоны как гнилой картон и устремятся своей многочисленной кавалерией и казаками через Тамбов и Орел прямо на Москву! Отразить наступление мы будем не в силах, ибо все маневренные резервы уйдут на запад!

Фрунзе говорил с ожесточившимся лицом, решительно рубя словами, как саблей. Так ведут себя только те, кто давно уверился в собственной правоте и готов умереть на месте, но не отступить ни на шаг.

– Когда вы ожидаете это выступление? Завтра или через месяц? А может быть, ближе к лету?! Вы точно уверены, что белогвардейцы действительно в ближайшее время начнут атаку?

Троцкий, стянувший играющие нервы железным обручем воли, заговорил таким нарочито спокойным голосом, что набравший было в грудь воздуха Фрунзе поперхнулся.

Владимир Ильич, сильно сдавший от столь позднего, да еще тяжелого совещания, беспокойно заворочался в кресле, куда он присел, чувствуя свинцовую усталость как от своего обличительного монолога, так и от горячего выступления Дзержинского, которое потрясло его до глубины души. Ленин с тревогой в глазах посмотрел на Троцкого, в глазах прямо читалось: «Опять что-то замыслил, иудушка».

– Судя по всему, подготовка свежих белогвардейских корпусов будет завершена к маю, и в наступлении могут принять участие полтора десятка пехотных дивизий и столько же конных, если не больше. И это не считая кавказских стрелков, которые могут быть переброшены на Южный фронт в течение двух-трех недель...

– Вы уверены в этом, Михаил Васильевич, и в своей необыкновенной проницательности, достойной лучшего применения?

Тихий голос Троцкого стал настолько ехидным, что едкий сарказм, сочившийся в словах, поразил даже Владимира Ильича, великолепно знавшего своего союзника по власти.

Ленин не больно жаловал Льва Давыдовича, часто называя его разными эпитетами, самым мягким из которых являлась «политическая проститутка», но отдавал должное энергии, железной целеустремленности и изворотливому уму председателя РВС и наркомвоенмора, фактического создателя Красной армии. И если Троцкий заговорил таким тоном, от которого Фрунзе побагровел, Сталин побелел, а Дзержинский воспрянул, то жди немилосердной выволочки – Лев Давыдович больше всего любил сводить политические и личные счеты при собеседниках, дабы все могли свидетельствовать в его пользу.

– Если бы я не знал преданность дорогого товарища «Арсения» святому делу нашей пролетарской революции, то заподозрил бы его сейчас как подлого буржуазного наймита!

Троцкий бросил страшное обвинение командующему самым небрежным тоном, добившись дружного возмущенного вскрика собравшихся, и тут же смягчил смысл сказанного:

– Но единственное, в чем я могу упрекнуть Михаила Васильевича, так в том, что он недостаточно владеет общей обстановкой на фронтах, ввиду того, что здесь требуются специальные знания и навыки, столь ценимые в армии, а также более взвешенный подход со стороны ЦК!

– Я попрошу тебя яснее выразить свои мысли, Лев Давыдович! – Лицо Ленина покрылось багровыми пятнами – вождю сильно не понравился намек на полную бездарность, ибо косвенно Троцкий обвинил его, прекрасно зная, кто протезировал назначение Фрунзе.

– Вы, Владимир Ильич, гениальны в своем предвидении о противоречиях между главными империалистическими державами. Сейчас, как никогда ранее, они отчетливо проявились. Дело в том, что белые хотя и желают задушить нашу Советскую республику, но воевать с нами в ближайшие полгода, а то и год, не станут. Хотя Франция с Англией поставляют на юг транспорты с оружием и снаряжением, надеюсь, что царь начнет таскать для них каштаны из костра, белые для нас пока не опасны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.